

Спасский А. А. Английское издание «Церковной истории» Сократа. [Рец. на:] Socrates ecclesiastical History according to the text of Hussey with an introduction by William Bright. 2-d ed. Oxford, 1893 // Богословский вестник 1895. Т. 1. № 1. С. 153–165 (2-я пагин.).

Английское издание Церковной Истории Сократа.

Socrates' ecclesiastical history according to the text of Hussey with an introduction by William Bright. Second edition. Oxord, 1893.— Церковная история Сократа, изданная согласно тексту Хюззи съ введеніемъ Вильяма Брайта. Второе издание; Оксфордъ, 1893 г.

Однимъ изъ существенно-важныхъ пробѣловъ въ современной церковно-исторической наукѣ является недостатокъ строго провѣренныхъ, критическихъ изданій оригинальнаго текста церковныхъ писателей. Какъ извѣстно, въ изслѣдованіи вопросовъ, относящихся къ области этой науки, ученымъ до сихъ поръ и въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходится пользоваться произведеніями церковной литературы въ томъ ихъ видѣ, какой былъ приданъ имъ трудами филологовъ XVI и XVII вв. Ни мало не отвергая значенія этихъ трудовъ въ исторіи богословской мысли, должно-жъ, однако, признать, что изданія XVI и XVII вв. съ точки зрѣнія требованій, предъявляемыхъ въ настоящее время къ исторической наукѣ, во многихъ отношеніяхъ оказываются неудовлетворительными. Отчасти, неполнота филологическихъ познаній, главнымъ же образомъ недостаточное, а иногда и полное незнакомство издателей XVI и XVII вв. со многими манускриптами, обслѣдованными или открытыми въ позднѣйшее время, лишаютъ ихъ изданія той степени совершенства, какая была бы желательна и до которой они могли бы быть доведены теперь. Пробѣлъ этотъ живо ощущается всѣми, занимающимися въ области церковной исторіи, и начинаетъ привлекать на службу себѣ ученыя силы, такъ что уже можно насчитать значительный рядъ новыхъ

работъ, своею задачей поставляющихъ нѣкоторое восполненіе его. Такого рода работы выходятъ преимущественно изъ подъ-пера нѣмецкихъ ученыхъ, но не исключительно. Англійскіе ученые точно также время отъ времени дарятъ науку образцовыми изданиями твореній церковныхъ авторовъ, стоящими вполнѣ на уровнѣ научныхъ требованій; укажемъ для примѣра на появившіяся здѣсь въ текущемъ столѣтїи изданія экзегетическихъ трудовъ Θεодора Мопсуэстскаго ¹⁾, нѣкоторыхъ сочиненій блаж. Θεодорита ²⁾, апологетическихъ твореній Евсевія Памфила ³⁾ и др. Но въ особенности посчастливилось въ англійской церковно-исторической наукѣ Сократу съ его „Церковной исторїей“. Можно сказать, что англійскіе ученые взяли Сократа подъ свое особенное покровительство и его исторію сдѣлали своею собственностью. Работы надъ текстомъ Сократа въ Англии были начаты еще въ прошломъ столѣтїи, которому принадлежитъ первое англійское изданіе Сократа, сдѣланное Ридингомъ (Reading) въ 1720-мъ году и вновь повторенное въ 1844-мъ году, въ Оксфордѣ,—съ специальною цѣлю сдѣлать Ридинговскій текстъ доступнымъ для школьнаго пользованія. Въ настоящемъ столѣтїи самостоятельной обработкой исторїи Сократа занялся профессоръ Оксфордскаго университета Хѳззи (Hussey); для этой цѣли онъ воспользовался двумя манускриптами Флорентійской библиотеки, содержащими въ себѣ твореніе Сократа, а для двухъ главъ VII-й книги, кромѣ того, сравнилъ еще Codex Bodleianus, и въ 1853-мъ году опубликовалъ результаты своихъ работъ въ трехтомномъ изданїи исторїи Сократа. Такъ какъ одна изъ рукописей, предлежавшихъ Хѳззи, была извѣстна еще Валезію, а другая считается въ наукѣ недостаточно исправной, то само собой понятно, что Хѳззи не могъ привести существенныхъ измѣненій въ напечатанный ранѣе его текстъ Сократа, но онъ значительно его улучшилъ и свое изданіе снабдилъ обширнымъ критическимъ аппаратомъ. Вскорѣ за опубликованїемъ работъ Хѳззи въ

¹⁾ См. о немъ отзывъ В. А. Соколова въ Приб. къ Тв. Св. Оо. 1883, стр. 619—647.

²⁾ Именно: „Врачеваніе эллинскихъ недуговъ“ и „Церковная исторїя“, изд. Гайсфордомъ.

³⁾ Изданы тѣмъ же Гайсфордомъ.

Англи послѣдовали еще два изданія Сократа. Какъ Оксфордское изданіе 1844 года имѣло цѣлю популяризировать текстъ Ридинга, такъ ту же задачу въ отношеніи къ изданію Хёззи въ 1878-мъ году принялъ на себя профессоръ того же университета по кафедрѣ церковной исторіи Брайтъ (Bright), еще разъ внесшій нѣкоторыя улучшенія въ редакцію своего предшественника. Цѣль, которую преслѣдовалъ Брайтъ, очевидно, была достигнута, потому что въ прошломъ (1893) году онъ нашелъ нужнымъ уже повторить свое первое изданіе. Такимъ образомъ, текстъ исторіи Сократа въ Англии былъ изданъ пять разъ и подвергся при этомъ тройной обработкѣ, результаты которой и подлежатъ намъ въ послѣднемъ изданіи Брайта.

Не трудно открыть причину этого преимущественнаго вниманія науки къ Сократу. По единогласному отзыву ученыхъ, занимавшихся греческими церковными историками V-го вѣка, Сократъ является самымъ лучшимъ, даровитымъ и безпристрастнѣйшимъ историкомъ въ ряду своихъ современныхъ товарищей. „На долю Сократа,—говоритъ одинъ русскій историкъ церкви,—выпало рѣдкое счастье: его хвалятъ какъ протестантскіе, такъ и католическіе ученые; отъ этихъ лицъ не отстаютъ и русскіе писатели, имѣвшіе случай ближе ознакомиться съ сочиненіемъ Сократа“¹⁾. Впрочемъ, съ личностью Сократа, какъ историка, и съ достоинствами его исторіи всего лучше познакомитъ насъ введеніе, приложенное Брайтомъ къ разсматриваемому изданію и содержащее въ себѣ характеристику Сократовой исторіи. Въ этой характеристикѣ читатель, знакомый съ существующими изслѣдованіями о Сократѣ, не найдетъ много новаго, но соединяя въ себѣ все, что извѣстно о Сократѣ и его исторіи, она тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что состоитъ изъ собственныхъ выраженій историка, и въ сжатыхъ чертахъ даетъ ясное представленіе о достоинствахъ и недостаткахъ его труда.

Свое введеніе Брайтъ начинаетъ краткими біографическими свѣдѣніями о личности Сократа, и это, конечно, потому, что личность историка замѣтно отразилась на его

¹⁾ А. И. Лебедевъ. Греческіе церковные историки IV, V и VI вв. Москва, 1890. Стр. 150.

произведеніи.—Роднымъ городомъ Сократа, по его собственному указанію, была новая столица восточной половины римской имперіи, отстроенная Константиномъ Великимъ. Здѣсь Сократъ былъ воспитанъ и провелъ если не всю, то бѣльшую часть своей жизни. Годъ его рожденія точно неизвѣстенъ, но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, заимствуемыхъ изъ его „Церковной исторіи“, полагаютъ, что онъ увидѣлъ свѣтъ незадолго до втораго вселенскаго собора. Какъ столичный житель, Сократъ имѣлъ возможность съ ранняго дѣтства слушать лучшихъ учителей тогдашняго времени. Онъ самъ рассказываетъ о себѣ, что, когда онъ былъ еще молодъ, онъ учился у двухъ грамматиковъ Аммонія и Элладія (V, 16), убѣжавшихъ изъ Александріи въ столицу послѣ разрушенія храма Сераписа. Знаменитый профессоръ риторики, Троиль, вѣроятно, тоже былъ учителемъ его, какъ это заключаютъ изъ частаго упоминанія его имени Сократомъ. По окончаніи образованія, Сократъ избралъ для себя профессію адвоката или схоластика ¹⁾, каковое имя за нимъ и осталось навсегда. Но спустя нѣкоторое время, утомившись судебными занятіями, Сократъ бросилъ практику, и по побужденію нѣкоего Θεодора, отдался составленію церковной исторіи. Результатомъ этого и явилось его сочиненіе, обнимающее собой время отъ провозглашенія Константина Великаго императоромъ въ 306-мъ году до 17-го консульства Θεодосія II-го въ 439-мъ году. Въ исторіи Сократа мы имѣемъ, такимъ образомъ, произведеніе свѣтскаго человѣка, не получившаго специально-богословскаго образованія и никогда не занимавшаго ни одной церковной должности.

Это послѣднее обстоятельство оставило ясныя слѣды въ характерѣ его церковно-историческаго труда. Съ одной стороны, какъ мірянинъ, Сократъ въ своей церковной исторіи занимается не одною только церковью и ея жизнію; рядомъ съ нею онъ поставляетъ имперію, заботится объ ея инте-

¹⁾ Scholasticus соб. значить ученый риторъ, студентъ; но этимъ же именемъ обозначались и тѣ, которые отъ школьной скамьи переходили къ судебной практикѣ. См. пятый канонъ собора Сардик. „scholasticus de foro“: Cod. Theod. III, 626, 7; Август. толк. на Иоани. VII, 11: „qui volunt supplicare imperatori, quaerunt aliquem scholasticum jurisperitum“. Сократъ самъ пользуется этимъ словомъ въ VI, 6 (*Прим. Брайтта*).

ресахъ и рассказываетъ ея исторію. Онъ ведетъ счетъ годовъ по консульствамъ, даетъ очеркъ всѣхъ имперскихъ войнъ, о которыхъ онъ могъ получить достовѣрныя свѣдѣнія (ср. V, пред.), какъ бы нехотя удерживается отъ изображенія ихъ деталей, „чтобы не слишкомъ удалиться отъ своего предмета (VII, 18)“ и въ послѣднюю книгу своей исторіи вставляетъ преувеличенно-похвальное слово благочестивому, но слабому Θεодосію II-му (ср. Соз. IX; Гибб. III, 524, 2). Здравый историческій смыслъ, которымъ въ достаточной мѣрѣ обладалъ Сократъ, подсказывалъ ему возможность упрека со стороны читателей въ уклоненіи въ чужую область. И онъ сознаетъ эту вину за собой, но старается оправдать себя тѣмъ соображеніемъ, что „съ тѣхъ поръ, какъ императоры сдѣлались христіанами, отъ нихъ стали зависѣть дѣла церковныя и по волѣ ихъ бывали и бываютъ великіе соборы (V, пред.)“, и что „церковь какъ бы по нѣкоторому сочувствію принимала участіе въ смятеніяхъ царства (ibid.)“. — Сказалась на исторіи Сократа и другая черта его личности, именно: недостатокъ профессионально-богословскаго образованія. Онъ обнаруживаетъ наклонность къ поверхностному обсужденію глубочайшихъ вопросовъ вѣры и перѣдко высказываетъ недостаточно обдуманная мнѣнія, навлекшія на него строгія порицанія Тильмона. Сократъ, дѣйствительно, умаляетъ значеніе аріанскихъ волненій и не можетъ понять, на какомъ основаніи противниковъ догмата о единосущіи обвиняли во многобожіи. Самъ онъ держится того мнѣнія, что Божество не опредѣляемо, такъ какъ всякое опредѣленіе Божества, въ понятіяхъ Сократа, несогласимо съ его безпредѣльностью (III, 7). Также поверхностно онъ обсуждаетъ и вопросъ объ Оригенѣ, стараясь объяснить полемику противъ этого учителя мелочными и личными мотивами (VI, 18). Любопытно то, что Сократъ хорошо понимаетъ ученіе объ ипостасномъ единствѣ природъ во Христѣ, выражая его въ сжатой и довольно точной формулѣ (III, 28), и правильно устанавливаетъ различіе между фотиніанами и несторіанами, но въ то же время въ рассказѣ о волненіяхъ, поднятыхъ Несторіемъ, онъ склоненъ думать, что сущность ихъ состояла въ словѣ: „Богородица“ (VII, 32). Ясно, что Сократъ — богословъ недалекій. Тѣмъ не менѣе этотъ недостатокъ, понятный въ положеніи Сократа,

не долженъ быть преувеличиваемъ. Онъ обнаруживаетъ живой интересъ къ судьбамъ ортодоксiи и всюду ставитъ ее на первомъ планѣ. Такъ онъ прямо говоритъ, что „Арій отпалъ отъ правой вѣры (IV, 33)“ и что „діалектика и суетное оболъщеніе возмутили и разсѣяли апостольскую вѣру христіанства (I, 18)“. Онъ полонъ презрѣнія и суровости въ разсказѣ о такихъ еретикахъ, какъ Аэцій и Евномій, и авторитетно отмѣчаетъ крайнюю некомпетентность послѣдняго въ толкованіи Св. Писанія (IV, 7). Онъ даже задается глубокимъ вопросомъ о томъ, какъ объяснить существованіе ересей въ исторіи церкви (I, 22)? Только, какъ историкъ, онъ отстраняетъ отъ себя обязанность „раскрывать догматы и входить въ трудныя размышленія о промыслѣ Божіемъ (I, 23)“ и высказываетъ отвращеніе къ полемикѣ, которая въ его понятіяхъ неизбѣжно связывается съ разнаго рода недобросовѣстностью (III, 23).

Съ другой стороны, положеніе Сократа, какъ мірянина, благопріятствовало независимости его сужденій о многихъ явленіяхъ церковной жизни и на его трудѣ отозвалось добрыми послѣдствіями. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаютъ его суровыя сужденія о высшихъ духовныхъ лицахъ,—сужденія, по мѣстамъ приводившія Сократа къ излишней строгости, но въ общемъ составляющія здравую черту его „исторіи“. Онъ не хочетъ унижаться до лести и угодничества: „ревнители церкви,—заявляетъ онъ,—могутъ говорить что угодно противъ того, что мы не называемъ епископовъ боголюбивѣйшими, святѣйшими, или какъ иначе (VI, пред.)“. И у него дѣйствительно, нѣтъ этихъ титуловъ; напротивъ его отвращеніе къ іерархической спѣси вылилось во многихъ остроумно составленныхъ страницахъ (V, пред.; V, 15. 23; VI, 6; VII, 11. 29). Обличеніе этой стороны дѣла составляетъ какъ бы любимый предметъ Сократа, и онъ возвращается иногда къ нему, даже прерывая свой послѣдовательный разсказъ, какъ напр. въ рѣчи о низложеніи Евстафія Антіохійскаго (I, 24). Интриганство между людьми, „которымъ ввѣрено священное служеніе“, онъ прямо называетъ „вредомъ для христіанства“ (VI, 6), и особенно обильный источникъ этого зла видитъ въ Египтѣ, отмѣчая въ своей исторіи, что александрійскій епископъ, какъ и римскій, съ нѣкотораго времени сталъ стремиться

къ самовластному распоряженію и въ дѣлахъ гражданскихъ (VII, 7. 11. 13). Съ замѣтнымъ удовольствіемъ онъ рассказываетъ также о распоряженіи константинопольскаго епископа, устранившаго недостаточно честныхъ церковныхъ судей или посредниковъ и назначившаго на ихъ мѣсто кого-либо „изъ вѣрныхъ мірянъ, о комъ онъ зналъ, какъ о человѣкѣ правдолюбивомъ (VII, 37)“. — Независимъ Сократъ и въ своемъ мнѣніи о нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ церковной практики. Онъ, прежде всего, врагъ всякихъ преслѣдованій за вѣру (III, 25; V, 10; VII, 3. 42); по его сужденію, религіозныя преслѣдованія не въ обычаѣ православной церкви (VII, 3; ср. VII, 29; VII, 41). Политику Юліана онъ понимаетъ не иначе, какъ „возмущеніе тѣхъ, кто ведетъ себя спокойно (III, 12)“ и относительно Θεодосія I-го не опускаетъ случая отмѣтить, что этотъ императоръ никого не преслѣдовалъ за вѣру, кромѣ Евномія (V, 20). Онъ врагъ, далѣе, всякаго излишняго формализма и ригоризма. Онъ рядомъ историческихъ справокъ (изъ которыхъ, впрочемъ, не всѣ относятся къ дѣлу) опровергаетъ тѣхъ, которые слишкомъ буквально хотѣли толковать правило, запрещавшее епископамъ переходить съ одной кафедры на другую (VII, 36), и энергично защищаетъ право христіанъ на занятія классической литературой, утверждая, что дѣйствительно хорошее въ ней должно быть отдѣляемо отъ недостойнаго и употребляемо на пользу христіанства, „ибо гдѣ есть что-либо хорошее, тамъ есть и нѣчто собственное истинѣ (III, 16)“. Онъ высказываетъ, наконецъ, крайне либеральный взглядъ по вопросу о времени празднованія Пасхи, порицаетъ стремленіе къ іудейской точности соблюденія праздника и умѣетъ защитить свою точку зрѣнія (V, 22).

Очевидно, исторія Сократа имѣетъ свои крупныя и солидныя достоинства. Слогъ его, пренебрежительно охарактеризованный Фотіемъ (Bibl. 28), можетъ, однако, служить пріятнымъ отдыхомъ для читателя, утомленнаго аффекаціей Евсевія, на котораго и намекаетъ историкъ своимъ нерасположеніемъ къ риторической напыщенности (I, пред.; III, 1; VI, пред.; VI, 22; VII, 27). Онъ хочетъ сохранить стиль въ чистотѣ и простотѣ и передаетъ свои рассказы въ прямыхъ выраженіяхъ; часто онъ даетъ про-

стую форму повѣствованія, которую Созомень съ его любовью къ деталямъ расширяетъ. Онъ—большой любитель приводить пословицы (II, 8; III, 21; V, 15; VI, пред.; VII, 29. 31), и его цитаты обнаруживаютъ начитанность не только въ области христіанской письменности, но и въ произведеніяхъ языческой литературы: онъ цитируетъ Софокла, Менаандра, Ксенофонта, Порфірія, Юліана, Ливанія, Ѳемистія и др. Его собственныя наблюденія отличаются проникательностью (VI, 16; V, 13) и его извѣстія возможною точностью. Онъ не разъ увѣряетъ, что взялъ всѣ данныя изъ книгъ и отъ компетентныхъ свидѣтелей, чтобы подтвердить факты (I. пред.; V, 19; VI, пред.). Его историческая добросовѣстность видна изъ того, что, написавши двѣ первыя книги своей исторіи по Руфину, онъ снова переписывалъ ихъ, послѣ того какъ ознакомился съ новыми источниками (II, пред.; II, 17). Онъ усердно изучалъ Аѳанасія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо отсылаетъ къ нему читателя за подробностями (I, 14), но онъ не копируетъ Аѳанасія. Скорѣе ему можно поставить въ упрекъ то, что онъ не слѣдуетъ точно этому авторитету и, потому, впадаетъ въ погрѣшности. Аѳанасій кажется иногда ему несправедливымъ, какъ напр. въ благопріятномъ сужденіи о богословскихъ воззрѣніяхъ Евсевія; подобнымъ, образомъ, Маркелла и Аполлинарія онъ трактуетъ, какъ еретиковъ, хотя Аѳанасій, какъ извѣстно, и не лишалъ ихъ своей старой дружбы. Во многихъ случаяхъ онъ пополняетъ Аѳанасія: приводитъ письмо Константина, котораго нѣтъ у Аѳанасія (II, 22), и даетъ выдержку изъ посланія Юлія къ Александрійцамъ, о которомъ Аѳанасій умалчиваетъ изъ скромности (II, 23). Свѣдѣнія, заимствованныя имъ изъ неопредѣленныхъ слуховъ, Сократъ всюду отдѣляетъ, какъ заслуживающія меньшаго вѣроятія. Такъ, рассказавши о враждебной разлукѣ Епифанія съ Златоустомъ, онъ добавляетъ: „я не могу утверждать, правду-ли говорили тѣ, отъ кого я это слышалъ (VI, 14)“. Въ разныхъ случаяхъ онъ ссылается на свидѣтельство обитателей Кипра и Пафлагоніи (I, 12, 17; II, 38) или опирается на рассказы такихъ лицъ, какъ Авксанонъ, присутствовавшій на первомъ вселенскомъ соборѣ (I, 10. 13; II, 38), или старецъ, участвовавшій во дни своей юности на соборѣ

новаціанъ (IV, 28). Онъ жалуется на то, что историки часто скрываютъ факты ради предвзятыхъ цѣлей (I, 10); неоднократно осуждаетъ Сабина, македоніанскаго компилятора соборныхъ актовъ за его недобросовѣстность (I, 8; II, 15. 17) и признаетъ несостоятельность разсказа Георгія Лаодикійскаго (I, 24). Однако, и самъ онъ считаетъ законнымъ иногда опустить то, что не могло служить къ похвалѣ церкви (I, 27; VI, 12); онъ молчитъ о жестокостяхъ въ преслѣдованіи приверженцевъ Златоуста, и Гиббонъ справедливо характеризуетъ его, какъ осторожнаго замалчивателя заслугъ Пульхеріи.

При указанныхъ достоинствахъ исторія Сократа имѣетъ не мало и недостатковъ. Современный историкъ не можетъ положиться на хронологію Сократа, которая составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ его труда. Его даты даже для такихъ важныхъ событій, какъ соборъ Сардикійскій и смерть Аѳанасія, оставлены наукою. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ его хронологическія ошибки просто поражаютъ своею грубостью; такъ смерть св. Поликарпа онъ опредѣляетъ на цѣлое столѣтіе позже, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ (II, 23). Естественнымъ слѣдствіемъ неточности хронологіи у Сократа явилась спутанность въ порядкѣ событій. Союзъ аріанъ съ мелетіанами, ссылка Евсевія и Теогниса, пребываніе Валента въ Антиохіи указаны имъ преждевременно (I, 6, 14; IV, 7); напротивъ, изгнаніе Ливерія, соборъ въ Никеѣ фракійской, назначеніе Евпомія Кизическаго даны слишкомъ поздно (II, 37; IV, 7). Даже знакомство съ сочиненіями Аѳанасія не удержало его отъ ошибокъ въ разсказахъ о событіяхъ, прямо относящихся къ жизни этого отца; такъ, нападеніе на церковь св. Θεопы онъ приурочиваетъ ко времени узурпаціи александрійскаго престола Георгіемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это событіе предшествовало на 16-ть лѣтъ вторженію Георгія (II, 2), и заставляетъ Аѳанасія два раза путешествовать въ Римъ. Приводимыя имъ документы точно также не всегда подлинны и нѣкоторыя извѣстія его нуждаются въ поправкахъ. Его списокъ аріанскаго символа неисправенъ (II, 41), сообщенное въ 1, 14 отреченіе Евсевія Никоидійскаго по всей вѣроятности подложно и передаваемая имъ греческая версія посланія ариминскаго собора нуждается въ провѣркѣ

чрезъ сличеніе съ латинскимъ оригиналомъ у Иларія (fragm. 8). Его разсказъ о переходѣ Ульфила изъ православія въ аріанство долженъ быть признанъ вымысломъ, такъ какъ Ульфила всегда былъ аріаниномъ. Неисправенъ онъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ жизни св. Василія и Григорія Назіанзена и въ повѣствованіи о Константинопольскомъ соборѣ 381-го года, для котораго Θεодоритъ—лучшій источникъ. Жизнь Евстаѳія Антиохійскаго и епископаты Евдоксія онъ удлиняетъ (IV, 14), а назначеніе Павлина преемникомъ Евстаѳію опускаетъ. Онъ преувеличиваетъ приматство римскаго епископа, признавая за нимъ право контроля надъ всѣми церковными постановленіями (II, 8, 15, 17), и настолько мало вдумывается въ Аванасіевъ томъ къ Антиохійцамъ, что приписываетъ Александрійскому собору 362-го года запрещеніе употреблять слово: „ὁβρία“ (III, 7).

Какъ своеобразная особенность исторіи Сократа, должно быть, наконецъ, отмѣчено его не вполне чистосердечное отношеніе къ двумъ крупнѣйшимъ лицамъ своего времени,—къ Іоанну Златоусту и Кириллу Александрійскому. Брайтъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на разсмотрѣніи этой черты Сократовой исторіи и справедливо видитъ въ ней обстоятельство, которое, помимо спеціальнаго интереса, способно еще пролить свѣтъ и на личность историка. Въ самомъ дѣлѣ, разсказывая намъ о краснорѣчивѣйшемъ изъ отцовъ церкви, Сократъ отмѣчаетъ его „ревность къ добродѣтели“ и прямоту его жизни, признаетъ и возвышенность цѣлей епископскаго служенія (VI 3, 4, 11); но въ то же время распространяется о его „надменности, суровости, чрезмѣрной смѣлости въ обличеніи (VI, 4, 5)“. говоритъ о „горячемъ нравѣ“ Златоуста, о „пылкости“ въ рѣчахъ (VI, 15, 18). Онъ настолько недоброжелателенъ въ отношеніи къ Златоусту, что не желаетъ отрицательно отвѣтить на вопросъ, правильно-ли было его низложеніе (VI, 15, 19), а пожаръ сената и великой церкви даже прямо называетъ дѣломъ „нѣкоторыхъ изъ іоаннитовъ (VI, 18)“. Мало того: онъ искажаетъ дѣйствія Златоуста въ ранній періодъ его епископства, когда онъ произносилъ рѣчь въ защиту Евтропія, прибѣгнувшаго подъ покровительство церкви. Онъ называетъ эту рѣчь „обличительной“ и до-

бавляетъ, что „онъ (Златоустъ) еще болѣе раздражилъ противъ себя нѣкоторыхъ тѣмъ, что не только не пожалѣлъ несчастнаго, но и обличилъ его (VI, 5)“, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности эта рѣчь была вызвана гуманнѣмъ желаніемъ успокоить народную ярость и добыть пощаду жизни Евтропія (Ср. Гибб. III, 504. 505). Чѣмъ объяснить эту неискренность Сократа въ отношеніи къ Златоусту? Брайтъ ищетъ этого объясненія въ томъ указаніи его исторіи, что Златоустъ „лишилъ многихъ изъ новаціанъ ихъ церквей“ и навлекъ на себя неблаговоленіе новаціанскаго епископа Сисинія (VI, 21). Какъ извѣстно, Сократъ обнаруживаетъ въ своей исторіи такую поразительную благосклонность къ новаціанамъ, что даетъ поводъ сомнѣваться въ его собственной ортодоксіи. Въ юности онъ получилъ сильное впечатлѣніе отъ одного новаціанскаго пресвитера (I, 13) и всегда съ глубокимъ почтеніемъ смотрѣлъ на высокій образъ жизни новаціанскихъ предстоятелей. Оставаясь самъ православнымъ, онъ, однако, думалъ, что секта эта, подъ вліяніемъ православныхъ епископовъ, несправедливо подвергается стѣсненіямъ и, при своемъ нерасположеніи къ крайнимъ мѣрамъ, слишкомъ неодобрительно смотрѣлъ на насильственные мѣры первыхъ въ отношеніи къ новаціанамъ. — Ту же разгадку нужно имѣть въ виду и въ обсужденіи положенія, занимаемаго въ его исторіи Кирилломъ Александрійскимъ. Этотъ епископъ обрисованъ Сократомъ въ весьма несимпатичныхъ чертахъ; по рассказамъ историка, Кириллъ насильственно подавляетъ новаціанское богослуженіе; сначала, высказываетъ угрозы евреямъ своего города, а потомъ, въ отмщеніе за оскорбленіе христіанъ, изгоняетъ ихъ изъ Александріи и отдаетъ имущество ихъ на разграбленіе черни; наконецъ, онъ канонизуетъ челоуѣка, убитаго толпой за покушеніе на жизнь префекта. Легко, однако, замѣтить, что всѣ эти дѣйствія Кирилла освѣщены Сократомъ неправильно. Что Кириллъ во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствовалъ не по своему частному авторитету, видно уже изъ того, что законы Гонорія противъ ересей опубликованы были гораздо ранѣе вступленія Кирилла на кафедру. Очевидно, предубѣжденіе противъ Кирилла, вызванное его преслѣдованіями новаціанъ, повлекло у Сократа преувеличеніе и въ обсужденіи дру-

гихъ его поступковъ. Тѣмъ не менѣе въ отношеніи къ убійству Ипатіи, совершенному буйными фанатиками александрійской церкви, слова Сократа не даютъ еще права къ тайному подозрѣнію въ нравственной виновности Кирилла. Сократъ говоритъ; „это (т. е. убійство Ипатіи) причинило не мало скорби и Кириллу и александрійской церкви (VII, 15)“, то есть, мѣстная церковь и ея пастырь были такъ сказать, скомпрометированы позорнымъ преступленіемъ, совершеннымъ членами ихъ общества. Не смотря на свое нерасположеніе къ Кириллу, Сократъ не дѣлаетъ здѣсь упрека ни этому епископу ни его церкви. По сужденію Брайта, Сократъ могъ бы сказать гораздо болѣе, если бы Петръ чтець и его товарищи были поощрены Кирилломъ къ осуществленію той мысли, что насиліе въ дѣлахъ вѣры полезно и позволительно.

Переходимъ отъ введенія проф. Брайта къ изданному имъ тексту исторіи Сократа. — Самъ издатель заявляетъ, что предлагаемый имъ текстъ не есть результатъ его собственной обработки, но взятъ изъ изданія Хёззи 1853 г. Въ свое время изданіе Хёззи обратило на себя вниманіе науки и вызвало обширную рецензію Нольте, имѣвшую цѣлю, между прочимъ, внести въ него нѣкоторыя исправленія ¹⁾. Воспользовался-ли Брайтъ въ должной мѣрѣ замѣчаніями Нольте, категорически рѣшить этотъ вопросъ мы затрудняемся, такъ какъ рецензія Нольте намъ извѣстна только въ очень малыхъ выдержкахъ. Впрочемъ, имѣя въ виду то, что уже въ первой главѣ книги текста Брайта мы встрѣчаемъ старое чтеніе *διηρομένον* вм. безспорно лучшаго *διηρομένοι*, кажется, скорѣе слѣдуетъ отвѣтить на поставленный вопросъ отрицательно. Самостоятельная работа Брайта надъ текстомъ Сократа ограничивается только измѣненіями въ пунктуаціи, и въ этомъ отношеніи ему удалось достигнуть не малыхъ улучшеній. Изъ критическихъ примѣчаній Хёззи въ разсматриваемомъ изданіи оставлены очень немногія, имѣющія болѣе важное значеніе, при чемъ они перенесены съ низа страницъ на поля книги. Здѣсь же помѣщены и хронологическія отмѣтки для важнѣйшихъ извѣстій Сократа, ссылки на доступные источники,

¹⁾ Рецензія Нольте напечатана въ Tübing. Qu. Schr. 1859, s. 518 fg. 1861, s. 417.

которыми въ томъ или другомъ разсказѣ пользовался Сократъ и при помощи которыхъ могутъ быть провѣрены его свѣдѣнія, и указанія на параллельныя мѣста его исторіи, хотя это послѣднее сдѣлано и не повсюду тамъ, гдѣ это можно было сдѣлать. Для большей наглядности документы, цѣликомъ приведенные Сократомъ, или его буквальные заимствованія изъ другихъ церковныхъ писателей отпечатаны шрифтомъ, отличнымъ (болѣе мелкимъ) отъ того, которымъ печатается принадлежащее самому историку. Было бы весьма соотвѣтственно цѣлямъ изданія Брайта, если бы онъ удержалъ въ немъ то раздѣленіе исторіи Сократа на параграфы какое дано въ Оксфордскомъ изданіи 1844-го года, но за это опущеніе читатель отчасти вознаграждается подробнымъ перечнемъ содержанія каждой главы сочиненія Сократа, помѣщеннымъ въ началѣ книги на англійскомъ языкѣ. Это приложеніе важно въ томъ отношеніи, что тѣ оглавленія, которыя находятся въ самомъ текстѣ Сократа при каждой главѣ его исторіи, не принадлежатъ самому историку (какъ это видно изъ II, 42; VI, 25; III, 32. 36) и потому не всегда отвѣчаютъ содержанію. Другимъ приложеніемъ Брайта къ его изданію является алфавитный указатель лицъ и предметовъ, обсуждаемыхъ въ исторіи. Можно, конечно, поставить въ упрекъ издателю, что въ немъ „нѣкоторыя незначительныя собственныя имена опущены“, но за то вмѣстѣ съ личнымъ указателемъ мы имѣемъ здѣсь и предметный, который въ примѣненіи къ исторіи Сократа является пріятнымъ новшествомъ. Что касается, наконецъ, до внѣшности изданія, то она доведена до той степени чистоплотности, удобства и даже изящества, какая стала обычной пока только въ англійскихъ типографіяхъ.

А. Спасскій
